

А. Н. ЗАГОСКИН

**О недостатках сочинения «О православии
в отношении к современности»**

Санкт-Петербург, 1860

Говорят, и очень основательно говорят, что в настоящее время наша письменность поглощена журналистикой и всякое сочинение, мало-мальски претендующее на художественность, прежде чем выйдет отдельною книгой, обыкновенно переходит чрез журнальное мытарство и потом уже является в свет с робким, нерешительным и едва заметным дополнением. И добро бы это происходило в одной только так называемой светской литературе, а то и в духовной замечается иногда такая же процедура. Перед нами теперь лежит книга, составившаяся из разных статей, имеющих, однако ж, одну цель и одинаковый характер. Некоторые из этих статей появлялись в «Страннике», но прошли незамеченными, по крайней мере со стороны присяжных критиков и журнальных фельетонистов. Как же скоро все это было скучено, распространено, дополнено и появилось под громким названием «О православии в отношении к современности», — журналы заговорили и ни с того, ни с сего поставили автора ее на такой высокий пьедестал, на котором немудрено закружиться голове. Поэтому-то мы, искренно желая добра сочинителю и с целию предостеречь тех, кто легко может быть увлечен его неосторожными суждениями, почитаем необходимым раскрыть важные недостатки означенного сочинения. Вот они.

1. Неудобовразумительность, приводящая к ложным выводам, на пагубу современных прогрессистов и цивилизаторов, имеющих духовно-языческое направление.

2. Присваивание богодухновенной, светлой мысли лжеименному человеческому разуму.

3. Пересаживание западных идей на почву православия и ложное заключение о пользе их.

4. Предложение способов, очевидно неудобноисполнимых.

5. Неодобрение, вместо высоких и хитрых мудрований, стремления дорожить и спастись простотою веры старого русского народа.

6. Соглашение духа времени, духа греховного мира с духом Христовым.

7. Присвоение наслаждениям, по причине несовершенства человеческой природы, высшего духовного чувства во вред православию; и наконец...

8. Главный и существенный недостаток, сопряженный с гибельными последствиями, состоит в цели самого сочинения, которое имеет в виду направление современных идей на путь истинный средствами, не согласными ни с законами Божественного порядка в мироздании, ни с Божественным Откровением, ни с учением Церкви Православной.

Первый недостаток сочинения «О православии...» обнаружился сам собою восторгом фельетониста «Сына отечества», который нашел, что автор сочувствует прогрессистам и цивилизаторам, мирит современные идеи с православием, и заключил свой восторг следующими словами: «Итак, мы можем сказать теперь смело: да здравствует современность! Ты не так дурна, как говорят о тебе; ты можешь жить в мире с православием»¹.

Правильность этого замечания и восторга можно поверить, прочтя добрый голос автора в пользу современности: «Посмотрите на чувственное и материальное направление нашего времени, на положительные, вещественные интересы, почти всех занимающие и озабочивающие едва ли не сильнее других интересов. Что значит это страстное алкание земных благ, направляемое к заглушению духовных христианских потребностей? Не открыто ли, не очевидно ли здесь страшное искушение для духа христиан? И — что особенно достойно внимания и размышления — не одно легкомыслие или суетность, но и серьезные, многодельные умы нашего времени заняты и озабочены особенно материальным благоустройством — общественным и частным — как самыми человеческими потребностями и существенными благами. Видно: как иудейство извратило блистательную видимость древней теократии до значения чисто плотского, так большинство и нового Израиля — мира христианского успело уже ту благодать Господа нашего, что Он стал для нас плотию, забыть и обратить только почти в плотские человеческие интересы».

Пойдемте далее, ко *второму пункту*: «Иногда, — говорит автор, — мысль жизненная и светлая, но еще незрелая, неразвитая или даже только рождающаяся, естественно, представляет в себе разные стороны, которые не выдерживают испытания пред судом истины, и потому эта мысль или ее литературное выражение неминуемо задерживается или возбуждает против себя сильные протесты. Иногда мысль самая, почти мертвая или направленная к смертельному поражению чего-нибудь различного (чтобы не сказать — даже прямо доброго), представляет в себе общее место той или другой неоспоримой истины, а по тому самому эта мысль, только обессиливающая истину, уже не может быть законно остановлена».

Как же это так? Стало быть, законно не может быть остановлено развитие мысли человеческой, не только жизненной и светлой, но и мертвой или даже направленной к смертельному поражению добра? Дико, нелепо, а так оно выходит; ибо, по мнению автора, развитие человеческой мысли может проявить духовную истину, следовательно, и остановки ее развития быть не следует. Очевидно, что такое мнение не согласно ни с словом Божиим, ни с учением Церкви Православной. Развитие человеческой мысли может проявить истину только натурального мира; но, по разуму Церкви Православной, истины духовные проявляются лишь от богодухновенной мысли. *Свет Христов просвещает всех*; поэтому-то человеческая мысль, не просвещенная светом Христовым, не может быть светлою в духовном отношении и при развитии своем проявляет не истину, а ложь. Все духовные истины православный человек почерпает не из собственного разума, а от матери своей — Церкви Православной.

Третий пункт. По мнению автора, «много и много принадлежащее Западу и уже перенимаемое нами, легко было бы, для оправдания и спасения его, пересадить на почву православия». Положим, что мы не прочь принимать принадлежащее Западу, но только по части истин и трудов, входящих в сферу мира натурального, например по части математических наук, железные дороги, электрические телеграфы. Очевидно, что пересадка таких истин на почву православную несколько не может способствовать оправданию и спасению Запада. Так что же такое желает пересаживать автор оправдывающего и спасающего Запад? Ведь отличительная черта православия в том и состоит, что на его почве, кроме истин, заключающихся в постановлениях Св. апостолов, Вселенских соборов и Св. отцов, никаким другим истинам прозябать и развиваться не можно.

Пункт четвертый. Автор, имея в виду, что святые угодники Божии обыкновенно с отеческою и материнскою любовью берегли и носили юных, борющихся еще со страстями и уязвленных, советует, по этому примеру и на том же самом основании, смотреть и следить с глубоким участием любви за тружениками мысли, хотя бы во многом претыкающимися и падающими, советует собственною своею верою незримо поддерживать их и приближать мысль их ко Христу как единой истине, подобно тому как в Православной Церкви восприемники верою своею держат во Христе и бессознательные души младенцев. При явном оскудении ныне любви в сердцах наших следует посмотреть, не откроется ли для жизни сердечной многосторонняя мысль современности; вместо того чтоб заглушать и отталкивать ее, не умнее ли будет, для оживления сердца нашего с осторожностью и уважительным участием следить за делом и движениями современной мысли, чтоб она и своей искренности не утрачивала, и верно шла к истине. «Кто ныне, — вопрошает автор, — не следит за политикой? Надобно давать этому общему вниманию к явлениям мира политического направление духовное, которое возвысит его над праздною суетностию».

Спору нет, что сердце автора преизобилует любовью, когда он советует ближним, верою приближенным к Христу, следить, как восприемник, за духовною жизнью своего духовного сына, не только за современными мыслями прогрессистов, чтоб они и искренность свою не утрачивали, и верно шли к истине, но даже следить за политикою и давать миру политическому направление духовное. Нечего сказать, совет, преисполненный любви! Но пусть-ка сам автор покажет нам на деле, как нам должно действовать, чтобы не отступить ни на шаг от благого его совета? Пусть-ка он проследит за мыслями хоть одного прогрессиста из фельетонных крикунов так, чтобы мысли крикуна не утрачивали своей искренности и верно шли к истине. Вот если бы журнальные фельетоны не отступали от истин христиански-православных, тогда, пожалуй, можно бы еще назвать такой любвеобильный совет удобоисполнимым, а то — нет.

Пункт пятый. Автор предлагает сам себе вопрос: «Что нам в высоких или хитрых мудрованиях? Будем дорожить и спасаться простотою веры старого русского времени». Прекрасно; на том бы и остановиться. Так нет же — автор продолжает: «Но и простота бывает разная; иная простота, по русской пословице, бывает хуже воровства». Никому, без сомнения, не захочется иметь такую простоту, которая и в отношении к вере крала

бы духовную пользу многих. Истинная простота веры должна оградить верующие умы от опасности всякого увлечения и оболычения. А потому Павел так предостерегает Апостола Тимофея: «О, Тимофее, предание сохрани, уклоняясь скверных суесловий и прекословий лжеименного разума, о нем же нецыи хвалящиеся о вере погресиша» (Тимоф. 6, 20 и 21). Хоть простота старого русского народа несовершенна, но если Св. Апостол Павел счел нужным предостеречь апостола Тимофея от влияния ложного знания, то не благоразумнее ли будет спастись этой простотой, чем вдаваться в высокие и хитрые мудрования?

Пункт шестой. По мнению автора, дела внешнемирские могут заключать в себе дух Христов. Если под именем дел мирских разумеется исполнение обязанностей православного мирянина, руководствующегося в своей деятельности учением Церкви Православной, то они уж не мирские, а христианские, совершаемые по-православному в мире греховном. Нет сомнения, что в таких делах не только может, но и должен заключаться дух Христов. Только дела, основанные на любви к миру, чужды духа Христова. Спаситель молился даже за врагов — распинателей Своих, но о тех, кто принадлежит миру, Он не хотел и молиться. «*Не о всем мире молю, — сказал Он, — но о тех, их же дал еси Мне*» (Иоан. 17, 9).

Мы сказали, что *седьмой*, и самый существенный, недостаток рассматриваемого нами сочинения состоит в том, что автор дозволенному наслаждению, по причине несовершенства человеческой природы, присваивает достоинство высокого, духовного чувства во вред православию. В этом духе написана им целая статья, по поводу известной картины г. Иванова. Восторг автора дошел до того, что он не задумался выразиться, якобы труд нашего действительно замечательного художника «принят от Господа как молитвенный подвиг за всю Россию».

Такой неуместный мадригал был бы только странен, чтоб не сказать более, если бы автор не вздумал утверждать, что «картина Иванова не выходит и из пределов православно-церковного иконописания». Мысль эта слишком бросается в глаза, чтоб не остановиться над нею и не сказать несколько пространнее о значении живописного искусства в деле церковном и об иконописании, принимаемом Церковию Православною.

Наслаждение изящным мира натурального дозволяется по причине духовного несовершенства человеческой природы, подобно тому как дозволяются в детском возрасте невинные игры. Дети, однако ж, знают, что их детские обязанности, за которые

их награждают или наказывают, состоят не в играх, а в приготовлении себя к обязанностям высших возрастов, — или, проще, — наслаждение изящным натурального мира дозволяется точно так же, как Моисей дозволил, по жестокосердию иудеев, развод. Ведь изящность мира натурального питает в нас ветхого человека, а воля Божия повелевает распинать его.

Сущность не только православия, но и всех христианских религий состоит в приготовлении себя к вечной жизни, которое совершается духовною бранию с самственной любовью, с тройственным божеством мира: похотию плоти, похотию очес и гордостью житейской. Брань эта прекращается только с умерщвлением в нас ветхого человека *.

* В Бозе почивший архиепископ Иннокентий, развивая духовный смысл слов Спасителя: «Иже хочет по мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой и по мне грядет» (Марк. VIII, 34–35), излагает свои мысли в следующих словах:

«Отвергаясь ветхого человека, мы много делаем, но далеко не все: отвергнутый ветхий человек наш не будет лежать в бездействии, как лежит ветхое, сброшенное с плеч рубище: нет, это лютый зверь, который, отвергнутый и даже пораженный, возобновляет нападения и становится тем разъяреннее и опаснее, чем более его поражают. Тут одно из двух: надобно умертвить отвергнутого или самому пасть под его ударами.

Да будет известно всем и каждому, что без сораспятия нашего Господу и Спасителю нашему невозможно, решительно невозможно, участвовать нам и в воскресении с Ним, ибо естественная жизнь наша во грехе и страстях так противоположна истинной жизни нашей в Боге, как ночь противоположна дню. Чтобы настал день и взошло солнце, непременно надобно прийти прежде ночи: подобно сему, чтобы явилась в нас жизнь Христова, а с нею радость и блаженство вечное, необходимо прежде истребиться в нас жизни греховной. Посему думающие достигнуть спасения иным каким образом, а не чрез умерщвление своея плоти и страстей, подобны людям, кои желали бы получить здоровье, не исцелившись от лютой болезни.

Сего не может сделать для нас Сам Спаситель наш, ибо это значило бы предоставить Царство Небесное греху и страстям.

Посему, кто хочет последовать Ему, тот заранее должен решиться на умерщвление в себе всего, противного воле Божией и, следовательно, прежде всего — на умерщвление своего самолюбия, которое составляет корень всех наших нечистот и преступлений.

Дело столь великое, хотя может начаться в нас в каждое мгновение, очевидно, не может совершиться в краткое время; ему должна быть посвящена вся наша жизнь. Посему тот в жалком заблуждении, кто думает, что для вечного спасения души своей достаточно, например, провести в покаянии и молитве один какой-либо Великий пост. Нет, этот великий и воистину душеспасительный пост

Мне кажется, что одною из причин падения Западной Церкви и заблуждения протестантов было устранение истинного смысла иконопочитания присвоением иконам не иконной, а изящной живописи.

Верующий смотрит на икону как на буквы, передающие мысль, которая ничего не выигрывает, быв написана по всем правилам каллиграфии, даже, если хотите, теряет, когда внимание читающего развлекается красивым и фигурным почерком. Точно так же и иконы изящной живописи, поражая молящегося своей изящностью, неизбежно делают его рассеянным, оземляют его молитву, обращая ее в одно наслаждение изящным, и, наконец, сами утрачивают свое значение в духовном отношении. Потому-то Церковь Западная введением изящной живописи в свои храмы, во вред истинному значению иконы, обратила их в художественные пантеоны и образовала набожность не христианскую, а языческую и подала повод к заблуж-

должен состоять из всей нашей жизни. Пасха и Воскресение после таковой четьредесятницы празднуются уже не на земле, а там — в не вечернем дни Царствия Христова.

Очевидно также, что умерщвление в нас ветхого человека сопряжено со многим принуждением себя, с лишениями и скорбями. Но что же делать? Это болезни нового рождения от духа. Как по плоти нельзя родиться без крови и слез, так нельзя возродиться и по духу без скорби и печали по Бозе.

Спаситель никого не принуждает к сему: *иже аще кто хочет!* Но мы сами, начав надлежащим образом дело спасения нашего, мы сами должны отвергнуть широкий путь, вводящий неминуемо в пагубу, и возлюбить путь узкий, который один вводит в живот. Ибо что пользы, если мы, уклонившись от ига Христова, и избегнем скорбей временных, а подвергнемся чрез то, подобно богачу евангельскому, мучению вечному? Но избегнем ли, уклонившись от последования Христу, даже временных скорбей? Увы! мир, нас обольщающий, имеет не одни розы, а и множество вместе с ними и тернов: первые цветут кратко, а последние — всегда на древе. Какая неизмеримая толпа миротворцев! Но много ли довольных своею участию?

Все стонут и вздыхают. Посему, если уж неизбежны страдания, то лучше терпеть и страдать для Христа и со Христом, нежели для мира и с миром. В первом случае временными страданиями искупается вечное блаженство, а в последнем — временные страдания послужат залогом, предначатием вечных мук.

Уразумеем же тайну креста Христова и нашего. Познаем необходимость обоих крестов; познав, возлюбим тот и другой любовью неразрывною; возлюбив, будем нести свой крест по следам Спасителя нашего, распиная на нем ветхого человека нашего, тлеющего в похотях прелестных».

дению протестантов, которые, с одной стороны, не видя в иконах другого значения, кроме поклонения изяществу и насильственного возбуждения экзальтации светской вместо истинно духовной набожности, а с другой — истолковав себе превратно поклонение Богу в духе и истине, признали иконы не только бесполезными, но и вредными.

Если бы автор припомнил, что ни одна из чудотворных наших икон не принадлежит кисти прославленных Рафаэлей и Мурильо; если б он посоветовался об этом с православным Востоком, то, конечно, поудержался бы изящному произведению Иванова присвоить высокое, духовное чувство, вопреки смыслу православного учения об иконопочитании.

Окончим статью нашу указанием на одно место, странно толкуемое автором разбираемой нами книги. Основываясь на словах Христа Спасителя (Марк. 2, 19 и 20), он заключает, что Господь внушал своим последователям направление правды, отличное от строгой ревности духа Иоаннова, и, в силу этого заключения, советует не запугивать современных деятелей, а следить за делом и движениями современной мысли в духе любви Христовой, — не упоминать, то есть, о строго ревнительном духе Иоанна, о гласе вопиющего в пустыне. Но как же, если этот глас, по законам Божественного порядка в мироздании, был необходим, дабы явился миру Спаситель? Как же, если он, по предречению пророка Исайи, должен был уготовить путь Господень, исполнить *всяку дебрь*, смирить *всяку гору и холм*, изменить *стропотная в правая и острое в путь гладкий*? Ведь только тогда могла и может *узреть всяка плоть спасение Божие* (Лук. 3, 4–6). Без гласа вопиющего в пустыне, то есть без веры во Христа Спасителя, без добрых дел и без плодов покаяния, нет и спасения. Так, по крайней мере, учит нас Православная Церковь. А что Господь не отвергнул поста для Иоанновых учеников, то это потому, что они еще ожидали Божественного Жениха; с Господними же учениками был Он Сам. Для современных прогрессистов, которые, закружившись в омуте прогресса, не только не ожидают, но и знать не хотят Небесного Жениха, разве не нужен глас вопиющего в пустыне или, как выражается автор, глас Иоаннова строгоревнительного духа? Нет, доброта, выразившаяся стремлением направить на путь истинный современность, независимо от гласа вопиющего в пустыне, есть доброта земная и нехристианская. Такую доброту в Св. Апостоле Петре не одобрил Спаситель и назвал богопротивною. Христианская доброта состоит в том, чтоб не скрывать истину, не зарывать ее в любвеобильных выражениях, а про-

возглашать *на кровех*. Нужды нет, что она заставляет болеть и страдать нашего ветхого человека; пускай вовсе убивает его!

Горе вам, сказал Спаситель, *егда доброе рекут о вас человецы*². Несть же и тому похвалы, кто своими рассуждениями приводит в восторг современных прогрессистов!

